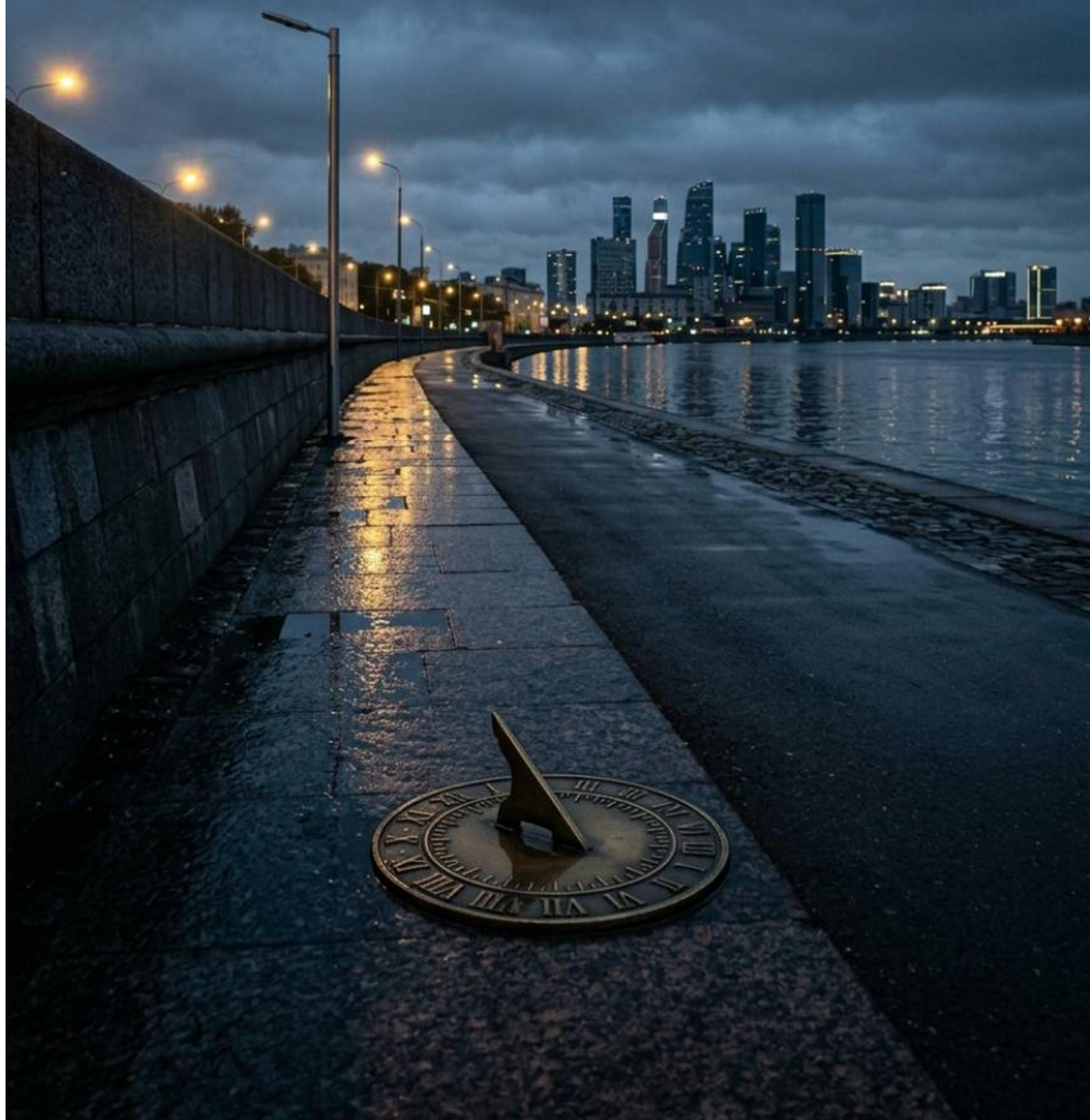


СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ НА БРУСЧАТКЕ



Истеми Каранай

Солнечные часы на брусчатке

«Автор»

2026

Каранай И.

Солнечные часы на брусчатке / И. Каранай — «Автор», 2026

Описание неспешного, но трудолюбивого бытия в городе, поиске
эффективности и уюта

© Каранай И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Истеми Каранай

Солнечные часы на брусчатке

Глава 1

Пятая чашка кофе к одиннадцати вечера — не так много.

Я проваливаюсь в холодное сиденье Джетты и не хочу обратно. Разрез между дверью и порогом машины, в нем — сломанный асфальт, светящийся тонкой пылью. В окне, впитавшем в себя цвет вывесок и фонарей — ровные и светлые стены хрущевок проспекта. Гора, на которой стоит город, полыхает только на самой вершине — склоны и подножия ее сейчас во тьме. И мы на этой поверхности, под небом, которое стало темнее с приходом августа. Саша проводит темной помадой по губам, развернув к себе зеркало заднего вида, а за ее профилем движется листва.

— Люблю этот момент, когда в объекте влюбленности недостатки становятся частью совершенства.

Она переводит взгляд своих серых глаз на меня. Потом легко улыбается, прислоняется ко мне так, что я чувствую холод ее кожаной куртки и тепло ее прямых, светлых волос.

— Где ты вообще видел во мне недостатки?

Я тихо хлопаю дверью, Джетта мягко вибрирует с поворотом ключа. Ее капотом я разрезаю холодный воздух на пути домой, рассыпая по бордюрам, траве и нижним веткам берез лёгкий шорох. Мы направляем машину по г-образным, т-образным поворотам, с тихим грохотом въезжая на рельсы, разгоняясь и проскакивая светофоры, чтобы наконец встать ровно напротив моего подъезда. Я смотрю на пятно окна на третьем этаже. Наш рейс завтра в 12:35, у нас есть время.

Дома она сбрасывает куртку и остается в оверсайз блузе и джинсах. Она склоняется над макбуком, запуская что-то на Claude, я на кухне разрываю гречку и промываю ее под водой, пока вода не становится прозрачной. Цвет крупы становится темнее и глубже, она оседает медленно на дне железной салатницы. Я мою салат и овощи, ставлю к ним оливковое масло и открываю творог, чтобы высыпать его на блюдце. Оставив все это на столешнице, я падаю в кресло с ноутом, чтобы открыть свой IDE.

Ничего не нарушилось, когда она несколько месяцев назад въехала сюда. Она была как бабочка — легкой, не переворачивала ничего с ног на голову, но у нее во всем это было место. Луг без нее было сложно представить.

Я смотрел на нее с кресла, когда она резала салат и овощи. Ее голова была всегда немного наклонена, она смотрела на доску сосредоточенно, но расслабленно. В этот раз, когда она это делала, мне казалось, что кроме глухого стука ножа больше не было звуков.

Оверсайз футболка смялась на ней, на изгибах ее отражался свет от бледных энергосберегающих ламп. Она развернулась ко мне с большой белой салатницей на руках, и я увидел как ее руки обняли гладкие очертания фарфора как подношение. Фон за ней теперь потерял четкость.

Заполночь мы поели. Приняли душ вместе, чтобы упасть на кровать с ровным и прохладным бельем. Засыпая, я подумал, что стоит взять часы, которые ночью тикали бы достаточно громко, чтобы задать этому всему нужный ритм — четкий и плотный, который отдается в старом дереве. Янтарь, возможно, он есть на барахолках.

Глава 2

Серое небо пронизывает оловом северное море, мы делаем поворот и самолет подо мной вибрирует. Я вижу реки, улицы, по которым ползут такси, доставки и много разноцветных огней. Я вижу отсвечивающую паутину воды, которая разрезает город.

Перед отлетом мы сложили крупы, чай, кофе и одежду в идеальном порядке с расчетом, что долго не вернемся, собрали все, что сгниет быстрее, чем нужно. Я разбросал это по лугу у трассы к аэропорту. Это провалилось в пространство между травниками, которые качались неспешно под мягким светом августа.

Раздельный мусор остался там, в Джетте, которая с недоуменным и грустным видом встала на платной парковке, на фоне серого забора, почти у самого его угла.

Смс родителям, дорожный бамбл, бутылка воды и жесткое сиденье, пока нам не откроется широкий зал Пулково и фудкорт.

И вот мы уже на такси делаем круг, чтобы выехать из парковки. В окне проскальзывают стены аэропорта, и мы выезжаем за пределы, чтобы наблюдать склады и ТЦ по бокам дороги, пока не доскользим до сталинского района — строгого и холодного, с лепниной и маленькими скверами, чернеющими на фоне светлых зданий.

Я поставил точку высадки прямо к метро, потому что не хочу тратить минут сорок, прежде чем туда спуститься.

По жестким ступеням мы спускаемся, из багажа у нас лишь две сумки с ноутами и черными футболками с принтами, а также носками, шортами и бельем из Демикса. Вес у них идеальный. Подошвы кроссовок чувствуют поверхность перрона, ветер от поезда согревает лицо. Я словно у себя на кресле, у компа, у кофеварки, и я уже хочу спать.

В этом полусне я захожу в вагон, и мы прислоняемся к поручню почти у выхода.

— Тетя сказала кормить тебя правильно, — ее голос немного выше и громче, чтобы я слышал ее в шуме. Так что скажешь, что мы ели борщи-солянки все эти два месяца.

— А борщей-солянок не будет? — она прижимается ко мне, отстраняясь от толпы.

— Нет, это в прошлых жизнях, — она поворачивает голову и кладет ее ко мне на грудь, в пространство между распахнутыми полочками спортивного плаща. Звуки метро превращаются в гул, подобный гулу дождя по крыше или шелесту листвы под равномерным ветром.

— Мы заедем в Деспорт за рубашками и куртками? — она спросила это тихо, мне в грудь, но я услышал.

— Когда захочешь, любовь моя, — я тоже не повышаю голоса.

Я чувствую, как город проходит над нами и вижу, как в окне вагона проносятся стены, почти сливаясь в неровные линии, иногда мелькая геометрическими фигурами и конструкциями подземелья.

Московский вокзал, Восстания, разноцветный Запорожец, припаркованный диагонально к брусчатке и принимающий на себя блики от витрины напротив. Мы идем медленно, чтобы дойти до однушки ее тети со старой дубовой кроватью, тяжелыми часами и массивным комодом у широкого подоконника с серыми занавесками. Сейчас она пустая. Там, с бледного сияния наших ноутбуков, нас должны настигнуть дедлайны, и я не против.

— Хочешь, пойдем на Невский?

И она знает, что я не хочу.

— Сколько раз ты там была?

— Много. Но ты почти не был.

— Давай и не буду пока. Нужно трудиться эту неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.